

- 21 Там само. Арк. 70; Красный Крым. 1924. № 197/1115. 28
авг.
- 22 ДААРК, Ф. Р-663. Оп 1. Спр. 1451. Арк. 72.
- 23 Там само. Арк. 71.
- 24 Там само. Арк. 1 зв.
- 25 Там само. Ф. 2055. Оп. 3. Спр. 1. Арк. 1.
- 26 Там само. Ф.2055. Оп. 3. Спр. 123 -А. Арк. 2.
- 27 Там само. Арк. 29; Спр. 1. Арк. 13 (фото).
- 28 Там само. Спр. 123 -А. Арк. 29 зв.; Спр. 1. Арк. 14 (фото).
- 29 Верстюк В.Ф., Дзюба О.М., Репринцев В.Ф. Україна від найдавніших часів до сьогодення: Хронологічний довідник. К., 1995. С. 658, 670.
- 30 Атрибут (від лат. *Attribuo* - надаю, наділяю) - необхідна, невід'ємна, суттєва властивість предмета чи об'єкта, без якої він не може існувати. Тут термін "зовнішня атрибутика" використовується, як термін тотожний поняттю "державна символіка" з метою відрізнення останньої від символіки регіональної.
- 31 Ведомости Верховного Совета Крыма, (далі - ВВСК). Симферополь, 1992. № 4. Ст. 169. С. 266.
- 32 Ефетов Г. Герб и флаг Республики Крым // Хобби: журнал для коллекционеров. Симферополь, 1994. № 1. С. 9.
- 33 Гіреї (Герей) - династія кримськотатарських ханів. Засновник династії Хаджи-Гірей (?- 1466), останній - Шагін-Гірей-III (бл.-1755 - бл. 1787) після завоювання Криму Росією 1783 р. зрікся престолу, загинув у Туреччині // Малий словник історії України. К., 1997. С. 112.
- 34 Ефетов Г. Вказ ст. С. 9.
- 35 Грифон (гриф) - в давньосхідній міфології фантастична тварина з тулубом лева, орлиними крилами, головою лева або орла // Советский энциклопедический словарь. М., 1984. С. 342.
- 36 Ефетов Г. Вказ ст. С. 9.
- 37 Там само. С. 12.
- 38 Там само. С. 11 - 12.
- 39 ВВСК. 1992. № 6. Ст. 248. С.421 - 422.
- 40 Ефетов Г. Вказ ст. С. 12.
- 41 ВВСК. 1993. № 1. Ст. 1. С. 7 - 11.
- 42 Там само. Ст. 3. С. 11.
- 43 Там само. Ст. 1. С. 7.
- 44 Там само. Ст. 1. С. 41.
- 45 Там само. 1992. № 5. Ст. 199. С. - 339.

Василий Ульяновский

ПРЕДМЕТЫ И СИМВОЛЫ "ЦАРСТВА" САМОЗВАНЦА: ТРОН, КОРОНА, РИЗЫ, МОНЕТЫ И МЕДАЛИ

Предметы и символы царской власти несут в себе не столько функциональное, сколько идейное и более того - ментальное семантическое значение, облекая "носителя" данных вещей в сакральную ауру царства/власти именно через символическое значение "текста" (и адекватное чтение каждым современником данного "текста") избранных вещей. Для Российского государства такими символами выступают традиционные атрибуты царства/царя: престол, головной убор ("шапка Мономаха", корона), парадное облачение и др. Самозванец не был исключением в чреде российских царственных особ, используя все традиционные предметы и символы царской власти, внося в них определенные новшества. В указанной системе предметов и символов власти отразилось, кроме всего прочего само понимание Лжедмитрием I "царства"/власти, а также его отношение к традиции и степень предполагаемых новаций структуры власти.

Наиболее показательным символом "царства", материализованным "образом" власти является трон царя. Царский трон для Самозванца был изготовлен заново, он не воспользовался тронами названного "отца" (Ивана Грозного) и "брата" (Федора Ивановича), а тем более своего главного врага Бориса Годунова. Показательно, однако, что трон Годунова не был уничтожен: по-видимому в данном случае значение трона было не столько персонифицировано, сколько воспринималось как символ власти (тем более, что речь шла о "последнем" троне царя Бориса, подаренном в 1604 г. персидским шахом Аббасом I¹). Тем не менее, на уровне функционального использования этот трон, как и все остальные, оставался символом "другой"/"старой" и меньшей по рангу (не императорской, тогда как Лжедмитрий I настойчиво утверждал императорский титул применительно к

своей персоне) власти; он попал в царскую сокровищницу.

Описание нового трона Лжедмитрия I присутствует в записках иностранцев, пораженных его великолепием и богатством. В этих описаниях существует ряд расхождений в деталях украшений. Попытаемся создать сводную описательную конструкцию трона Самозванца (с разночтениями), которая естественно должна предварять рассмотрение идейно-мировоззренческих вопросов.

По-видимому, трон Лжедмитрия I был изготовлен уже в 1606 г., все иностранцы (главным образом, поляки - послы короля и члены свиты Мнишков) описывают его в сюжете свадьбы Самозванца и Марины Мнишек. Как представляется, в связи с необходимостью изготовления трона также для царицы, была заказана "парная" конструкция и именно к маю того же года она была целиком изготовлена. Парадный трон Лжедмитрия I был из серебра с позолотой, по другим заверениям - из чистого золота. Над собственно креслом-троном возвышался балдахин и перекрытие из четырех щитов, над которым парил золотой (позолоченный) двуглавый орел с распростертыми крыльями. От щитов над колоннами, которые их поддерживали, спускались две кисти из жемчуга и драгоценных (красных) камней, среди которых - огромный топаз. Сами колонны (пилястры) были утверждены на двух серебрянных (с позолотой) львах, которые лежали держали в лапах большие золотые (золоченные) подсвечники; на львах, на высоких серебрянных ножках стояли грифоны - один держал символ государевой державы², другой - обнаженный меч. Внутри балдахина над тронном находилось золоченное распятие и висела в окладе из золота и драгоценных камней икона Богородицы (возможно, Курская Коренная, которую Самозванец с почестями встречал в Путивле и увез с собою в Москву как свою покровительницу и заступницу). К самому трону вело шесть (по другим данным - три) ступени, покрытые золотой парчой и лежало четыре серебрянных с позолотой льва³.

Польские авторы оценивали все это "великолепие" в денежных единицах (стоимости драгоценных металлов и камней) - в 150 тыс. злотых⁴. Однако ценность трона как атрибута власти заключалась в его символической. Ассоциацию тро-

на Лжедмитрия I с ветхозаветным текстом подметил только Станислав Немоевский: "в целом, этот трон - подобие Соломонова трона, как его описывают в Библии"⁵. Это замечание, как представляется, точно отражает символическую суть и значение трона Самозванца - его ассоциация с соломоновым тронном слишком явна: "И сделал царь большой престол из слоновой кости, и обложил его чистым золотом. К престолу было шесть ступеней; верх сзади у престола был круглый, и были с обеих сторон у места сиденья локотники, и два льва стояли у локотников. И еще двенадцать львов стояли там на шести ступенях по обе стороны. Подобного сему не бывало ни в одном царстве" (3 Царств.10: 18-20).

Трон Соломона целиком соответствовал восточной традиции. Львы олицетворяли власть, владыка же, восседавший на троне со львами в подножии, как бы царствовал над миром. Львиные фигуры были уже на тронах египетских фараонов Нового царства (трон Тутанхамона). Рычащие львы, движущиеся звери, деревья с певчими птицами размещались в тронном зале возле престола византийского императора (IX-X вв.). Современники называли их "византийским тронном Соломона", а церемонию императорского приема - "соломоновой процессией". В России пышные троны и приемы приобрели большую актуальность и XV-XVI вв., особенно в период укрепления царской власти при Иване Грозном. Описание соломонова трона распространилось в это время в русских хронографах. Создание подобия соломонова трона в России было символом преемственности власти от великих правителей древности, ветхозаветных царей. Характерно в этом плане кресло Ивана III, облицованное слоновой костью, ножки которого опирались на небольшие фигурки львов (по преданию, привезено из Константинополя Софией Палеолог - Оружейная Палата, Москва). Оно служило тронном Ивану Грозному, Алексею Михайловичу и другим и стало царской реликвией. В 1551 г. в той же восточной традиции соломонова трона было сооружено царское место Ивана IV в Успенском соборе Кремля. В основании его помещены четыре зверя, на которых стоит трон. Шатровая сень на четырех колонках завершается узорным шпилем с двуглавым орлом. Создание "Мономахова трона" было одним из звеньев целого комплекса работ,

предпринятых митрополитом Макарием к прославлению российского царя (икона "Церковь воинствующая", лицевой летописный свод, пр.)⁶.

Трон выражал идею преемственности царской власти от византийских императоров и русских князей, подчеркивал международный авторитет царя и его право на все русские земли. Однако царское место Ивана Грозного лишь "в самой общей форме оказывается созвучным с библейским описанием престола Соломона"⁷. И это было место для моления в храме.

Трон же Лжедмитрия I и символически, и в главных деталях украшений повторял престол царя Соломона. Не было лишь двенадцатипарного (двойного) ряда львов на ступенях к трону. Но важный элемент отдельных фигур зверей (львов), охранявших трон, был налицо.

Таким образом, мнимый сын Ивана Грозного решил подчеркнуть ту идею преемственности власти от великих библейских царей, которая лишь "пунктирно" высказывалась ранее русскими государями. Возможно, следуя развивающейся тронной символике Запада, львы у престола Лжедмитрия I могли означать и темные силы, а сам трон, возвышенный над ними, выражал идею победы⁸. Это было бы созвучно титулу, принятому Самозванцем - "непобедимый".

И еще один важный момент. Молельные места светских властителей в русских храмах возводились по образцу "мест" их духовных наставников. "Синтроны" (епископский трон и седалища для священников) были и в кафедральных, и в приходских храмах. Епископский трон ростовской церкви Константина и Елены был украшен у подножия резными каменными львами. Такие же троны были в Георгиевском соборе в Юрьеве-Польском и церкви Покрова на Нерли⁹. В XV-XVI вв. святительские места стали цельными архитектурными сооружениями. Митрополитий престол 1479 г. Успенского собора Кремля не уступал месту Ивана IV, и был образцом для последнего¹⁰. О троне Лжедмитрия I этого сказать нельзя. Буквально повторяя трон Соломона, он ставил себя выше святительской власти, которая лишь в общих чертах и также "пунктирно" выражала в своих престолах идею соломонова

трона. Такое "дерзновение" царя было непостижимым. Не случайно трон Лжедмитрия I вызвал удивление даже у иностранцев, привыкших к пышности престолов европейских властителей светских и духовных.

Подобие соломонова трона указывает на то, что для Лжедмитрия I именно Соломон - третий и величайший царь израильский был образцом, с которым Самозванец пытался и считал возможным сравниться. Первый период деятельности Соломона как царя прославил его как хранителя мира и народного благосостояния, мудрого судию и правителя; создателя иерусалимского храма, как идеал "царя мира". Именно ему, преданному слуге Божию, явился Господь и сказал: "Проси, что дать тебе" (3 Цар. 3:6; 2 П. 1:7). Соломон попросил наиважнейшего, чем земной правитель уподобляется Богу: "Даруй же рабу Твоему сердце разумное, чтобы судить народ Твой и различать, что добро и что зло; ибо кто может управлять этим многочисленным народом творим?" (3 Цар. 3:9; 2 П. 1:10). Именно Соломону Бог даровал этот высший богоравный дар правителя: "Я даю тебе сердца мудрое и разумное, так что подобного тебе не было прежде тебя, и после тебя не восстанет подобный тебе" (3 Цар. 3:12; 2 П. 1:11), "Я даю тебе, и богатство и славу, так что не будет подобного тебе между царями во все дни твои" (3 Цар. 3:13; 2 П. 1:12). "И дал Бог Соломону мудрость, и весьма великий разум, и обширный ум, как песок на берегу моря. И была мудрость Соломона выше мудрости всех сыновей востока и всей мудрости египтян. Он был мудрее всех людей... и имя его было в славе у всех окрестных народов" (3 Цар. 4:29-31). "И превзошел царь Соломон всех царей земли богатством и мудростью. И все цари земли искали видеть Соломона, чтобы послушать мудрости его, которую вложил Бог в сердце его" (2 П. 9:22-23).

Символизм истории состоит в том, что второй период царствования Соломона, сопряженный с наказанием Господним, не учитывался Лжедмитрием I, но имел некое "практическое" повторение над ним. Однако - это область другого исследования; отметим лишь, что современники-иностранцы (в частности, Станислав Немоевский), указав на уподобление Самозванца Соломону, не видели этой последней ассоциации в "крахе величия".

Важно также другое: если Лжедмитрий 1 сравнивал себя с Соломоном, то Иван IV "автоматически" превращался в Давида; но при этом, как и в Ветхом Завете, сын был/считал себя "славнее отца". А оба они были объединены не только божественным избранием в цари, но и даром личного общения с Богом, а также полученной от Господа благодатью править и судить.

Конечно, в ветхозаветных текстах о Соломоне (Третья книга Царств, главы 1-11; Вторая книга Паралипоменон, главы 1-9) содержалось многое, что не отвечало концепции Лжедмитрия 1 о себе как идеальном монархе даром Божиим, однако, по-видимому, в самозванческой идеологии своего царства использовались/ассоциировались избранные сюжеты священных текстов о наибольшем царе израильском. Так же выборочно должны были "актуализироваться" и притчи Соломона. В частности, на идею обожествления царской власти "работала" притча о царе: "Слава Божия - облекать тайною дело, а слава царей - исследовать дело. Как небо в высоте и земля в глубине, так сердце царей - неисследимо. Отдели примесь от серебра, и выйдет у серебряника сосуд: удали неправедного от царя, и престол его утвердится правдою. Не величайся пред лицом царя, и на месте великих не становись" (Притчи. 25:2-6). А среди изречений Екклесиаста - наставление о священной обязанности хранить царское слово: "Я говорю: слово царское храни, и это ради клятвы пред Богом. Не спеши уходить от лица его, и не упорствуй в худом деле; потому что он, что захочет, все может сделать. Где слово царя, там власть; и кто скажет ему: "что ты делаешь"?" (Ек. 8: 2-4).

Выборочность символов и текстов в сравнении Лжедмитрием 1 самого себя с Соломоном, как представляется, заключалась также в том, что он не стал (по примеру Соломона) строить храм, но построил, как и библейский царь, великолепные палаты/дворец. "Дом Соломона" был сооружен из дерева (строился 13 лет) и наполнен ценными вещами (3 Ц. 7: 1-51). Самозванец соорудил что-то подобное. В одном сказании об этом говорится: "И постави себе хоромы и многия светлицы велми красны на набережных полатах и терем основал" ¹¹. Исаак Масса писал, что деревянные па-

латы были выстроены над большой кремлевской стеной - из них видна была вся Москва" ¹². Наиболее детально великолепие дворца Лжедмитрия 1 описано в так называемом "Дневнике Марины Мнишек": "Дворец его деревянный, но красивый и даже великолепный. Дверные замки в нем вызолочены червонным золотом; печки зеленые, а некоторые обведены серебрянными решетками. Пред столовою, в сенях стояло множество золотой и серебряной посуды, между прочим, сем бочек серебряных с вызолоченными обручами, величиною в сельдяные боченки. Вся столовая посуда золотая; множество было серебра, рукомольников, тазов и прочего. Столовая обита персидскою голубою тканью; занавесы у окон и дверей парчевые; трон покрывала черная ткань, вышитая золотыми узорами; стол перед ним серебряный, прикрытый скатертью, вышитой золотом" ¹³.

К сожалению, более подробных описаний деревянного дворца Лжедмитрия 1 мы не имеем, поэтому сопоставление деталей дворца его оформления с очень подробным описанием дворца Соломона невозможно. Тем не менее, общая идея, как можно заключить, присутствует.

Однако подчеркнем: Соломон начал с постройки храма, имел прямое "общение" с Богом и просил у него благодати царства; Лжедмитрий 1 лишь в символах власти следовал Соломону, считая свое царство уже благодатным и богоизбранным, и не начинал с благодарения Господу через постройку храма. "Пути" двух царей были как бы "продолжением": Соломон пытался с Божьей помощью встать на "ступень царства" и получил желаемое, а Лжедмитрий 1, присваивая "достижение" Соломона, делал следующий "шаг" к Богу.

В Библии нет описания одежд и головного убора Соломона. Лжедмитрий 1 в этом следовал российской традиции по форме, но несколько "модернизировал" и обогатил драгоценностями содержание. Речь идет о короне и царских "ризах" Самозванца.

Поляки-современники увидели царя таким: "царь сидел на троне в одеянии, украшенном жемчугом и драгоценными камнями, в высокой короне со скипетром в правой руке" ¹⁴. Чрезвычайно интересно было бы исследовать символику короны Лжедмитрия 1. Однако она не сохранилась. Извест-

тно, что во время венчания на царство Лжедмитрий I использовал кроме "шапки Мономаха" корону, присланную Ивану IV австрийским императором¹⁵.

Однако после воцарения и перед свадьбой Самозванец резко изменил свою интерпретацию "империи", императорской власти и титула. В свете этого он должен был отказаться от "австрийской" короны, символизирующей подчиненное положение относительно римского императора немецкой нации. Корона "царя Димитрия", которую видели польские дипломаты, как представляется, была новоделанной: она изготовлялась параллельно с короной для Марины Мнишек. Схематическое изображение ее можно видеть на картине "Прием польских послов" (оригинал находится в Венгерской национальной галерее исторической живописи - инв. № 7; копия 1873 г. - в ГИМе)¹⁶. Аутентичность данного изображения дискуссионна в связи с неопределенным временем и обстоятельствами создания картины: создана в 1606-1607 гг. с натуры львовским художником Шимоном Богушовичем (Богушом) в Москве или Ярославле; написана другим неизвестным автором в более позднее время. Традиционное парадное царское облачение и скипетр в правой руке не совсем "соцетаются" с головным убором, напоминающим папскую тиару (но не корону западного образца и не "шапку Мономаха"). Данная неопределенность формы и символов (на светлом уборе просматриваются темные кресты) головного убора не свидетельствует ни за, ни против аутентичности картины. Однако напомним, что послы видели и описывали высокую корону, кроме того, их описанию совсем не соответствует трон царя, изображенный на этой же картине.

Достаточно четко корона Лжедмитрия I (да и Марины Мнишек) нарисована на большом полотне, изображающем венчание Самозванца с Мариной в Успенском соборе: они более напоминают форму венцов для брачующихся, но имеют, в то же время, некоторое сходство с западными образцами. Тем не менее аутентичность и этого изображения крайне сомнительна в связи с неправдоподобностью соборного интерьера и ряда других деталей, в частности, головного убора Патриарха Игнатия, венчающего чету. Сомнительно,

чтобы картина создавалась в 1606 г. и в Москве, скорее всего, это творение польского мастера 1630-х годов (однако, вряд ли Шимона Богушовича)¹⁷.

Между прочим, корона Самозванца на этой картине близка к той, которая детально выписана на парадном портрете Лжедмитрия I 1604 г. (в доспехах с непокрытой головой), ранее находившемся в Вишневецком замке, подаренном в 1876 г. Александру II и хранящемся в ГИМе. Как показал М.Генбарович, автор портрета принадлежал к школе флорентийских маньеристов, но корону нарисовал не он - она была дописана позже, как и надпись возле головы слева и картуш с гербом; портрет, выполненный в полный рост, был обрезан и превращен в овал¹⁸. Дорисовка короны - очень важное обстоятельство: во время создания портрета (1604 г.) Самозванец ею действительно еще не обладал; после коронации же художник мог изобразить только "австрийскую" корону. А если "сблизить" портрет с картиной венчания, получится, что Лжедмитрий I не менял "австрийской" короны. Но подобные выводы некорректны именно из-за неаутентичности обоих изображений; для авторов важен был символ, а не точное воспроизведение предмета. То же касается и гравюр Францишека Смядецкого, Луки Килиана и др. с полуфантастической фигурой Самозванца и вычурно разукрашенной символической короной на столике¹⁹.

Вне всякого сомнения - происхождение и одобрение самим Лжедмитрием I только одного его изображения с короной на голове. Это серебряная медаль, специально заказанная в Польше. В настоящее время известны два экземпляра данного уника (ГИМ и Гос.Эрмитаж). Самозванец изображен в русской одежде, но с королевской короной на голове, со скипетром и державой в пластинчатых латах с двумя золотыми цепями на плечах и на шее. На реверсе - двуглавый орел с тремя коронами. Сохранилось также два экземпляра золотой медали (ГИМ) в честь свадьбы Лжедмитрия I и Марины Мнишек²⁰. Если говорить о самих изображениях, то это стилизация, выполненная польскими мастерами по собственным и западным образцам. Другой вопрос, что данная "западническая" стилизация отвечала не только вкусам, но также идеологии и видению Лжедмитрием I своей власти равновеликой (и даже превышающей) император-

скую власть на Западе.

Из всего сказанного, тем не менее, ясно, что в настоящее время кроме приведенных общих размышлений мы не можем конкретно анализировать символику (в деталях, - которые более всего фиксируют идеи и символы) короны Лжедмитрия I из-за отсутствия как ее подробного описания, так и достоверного изображения.

Предполагают, что корону Самозванца вывезли из Москвы поляки²¹. В этом случае интересен тот факт, что ни Василий Шуйский, ни другие российские власти не уничтожили символы власти Самозванца - они были сохранены в царской казне как драгоценные (в смысле металлов и камней) вещи. С другой стороны, как символ власти корона Лжедмитрия I после его смерти никогда больше не использовалась.

В свете последнего почти невероятной выглядит история с царским облачением ("ризами" - парадными одеждами) Самозванца. По сведению ныне утраченного сибирского хронографа, по приказу Михаила Романова "поганые ризы" Лжедмитрия I были отправлены в сибирскую ссылку. Позже в одном из томских монастырей златотканые одеяния были перешиты в стихари (при этом, ткань вывернули наизнанку). В конце XIX в. их нашел художник А.А. Карелин, который воспроизвел узор златотканного рисунка в картине "Димитрий Самозванец" (Лондонский Букингемский дворец). Описавший эту историю А.А. Введенский считал данный факт "не безынтересным для характеристики древней юридической мысли, прибегавшей к своеобразному символизму в праве"²². Ученый имел в виду факт ссылки царского облачения Лжедмитрия I Михаилом Федоровичем (прецедент подобной акции: ссылка в 1591 г. Борисом Годуновым угличского вечевого колокола и битые его плетьюми). Такое понимание действия над вещью-символом имеет очень древние дохристианские корни. Однако нашей темы касаются другие моменты: царские "ризмы" Самозванца не могли быть уничтожены, они получили "новую жизнь" в церкви. Фактически, облачение как символ царской власти отделялось от ее конкретного носителя-антицаря; но, в то же время, отблеск/след этого антицаря оставал-

ся и на традиционно "унифицированном" царском облачении; ризы должны были "очиститься" от "следа" их носившего в дальнем монастыре. В конце-концов, они получили новую сакрализацию (после царского миропомазания и венчания) в томской монастырской церкви. Так, собственно, замкнулся "сакральный цикл" для царских одежд Лжедмитрия I. История с ризами указывает также еще на одну деталь - свидетельствует о полном соответствии их традиционному царскому парадному облачению (византийскому, а не западному типу).

Наконец, еще один материальный символ власти Самозванца - монеты и медали. Их появление заметили и в общих чертах описали иностранцы. Так Де-Ту сообщал со слов французов-наемников: "Немедленно выбили монету в воспоминание нового государя и для всеобщего употребления" ²³. Другой аноним подчеркивал фиксацию имени-символа властителя на монетах, которые Лжедмитрий I "тотчас же стал чеканить (полноценную монету с его именем)"²⁴. Наконец, Станислав Немоевский словесно описал внешние признаки монет, которые бросали в народ во время свадьбы Лжедмитрия I и Марины Мнишек: "На португалах с одной стороны особа государя до пояса, с мечем и латинскою надписью Aetatis suae ²⁴, с другой - двуглавый орел, в груди у которого единорог, а кругом по-русски императорский титул"²⁵.

Приведенные цитаты, и особенно Ст. Немоевского важны в том смысле, что их можно сравнить с самим предметом (монетами и медалями) и таким образом воочию увидеть степень корректности передачи в мемуарах иностранцев реалий времен Самозванца, определить "коррекцию восприятия" иностранцами (главным образом, поляками) российской действительности, ее сюжетов и символов.

Итак, сначала небольшой фактографически-описательный экскурс в нумизматику времен Лжедмитрия I, в основе которого исследование А.С. Мельниковой²⁶.

Монеты "царя Дмитрия" чеканились на денежных дворах в Москве, Новгороде и Пскове. Только в коллекции ГИМа насчитывается более 1100 серебряных копеек, 2 золотых и 1 серебряная медали Лжедмитрия I. Известно также семь кладов монет времен его правления. Примечательно,

что монеты Самозванца чеканились старыми маточниками, в том числе годуновскими. Денежек с именем Дмитрия Ивановича не обнаружено. А.С. Мельникова выделяет два этапа в развитии монетной системы при "царе Дмитрие": 1) монеты 113 г. печатались как противовес ново-годуновскому типу 1603 г. - на них изображался скачущий во весь опор всадник, даты и знак двора в одну строчку, как на монетах 1596-1603 гг.; 2) монеты 114 г. - возврат к годуновскому типу 1603 г.: торжественно выступающий всадник, знак двора и дата в две строки. Эта особенность прослеживается и в московском, и в новгородском чеканах. В Пскове и Новгороде работал мастер-иностранец, привыкший к латинскому шрифту.

А.С. Мельникова считает, что с приходом Самозванца к власти изменилось руководство финансовой системой государства (Головин, Михаил Нагой, Афанасий Власьев, Богдан Сутупов - все из "антигодуновского лагеря"), что обусловило возвращение к "архаическому типу монет" (1596-1603 гг.), однако уже в начале 1606 г. в среде правящей верхушки начала зреть оппозиция царю, и монетная система "вернулась" к стандартному московскому типу 1603 г. Исследователь утверждает, что изменение денег отразило изменение отношения правящей верхушки к личности Лжедмитрия I и его политике: "денежное производство не оставалось нейтральным при любых внутривластных ситуациях, поскольку декларативное звучание монеты всегда учитывалось руководителями государства". И если сначала монеты 1605 г. "активно работали" на Самозванца, то монеты 1606 г. - "против него"²⁷.

Наблюдения А.С. Мельниковой весьма интересны, но аргументированно не доказаны. Все названные "руководители финансов" не входили в состав заговорщиков и не составляли оппозиции. Это подрывает идеологическую концепцию изменения печатания монет. Возможно, не последнюю роль играли кадровый (отсутствие мастеров, а поэтому и новых маточников) и технический (изнашивание старых маточников "архаического" типа и пригодность только новых годуновских)?

Но если в отношении монет Лжедмитрия I могут выдви-

гаться лишь гипотезы об их идеологической "нагрузке", то медали Самозванца несут несомненный ее отпечаток.

А.С. Мельникова считает, что, так как в российских монетных дворах не было необходимого оборудования, то медали изготовлялись в Польше. Однако их символика и тексты должны были обсуждаться с Лжедмитрием I и утверждаться им, что подчеркивает корректность анализа медалей в рассматриваемом нами контексте. Коронационная серебряная медаль содержит изображение "Дмитрия Ивановича" в традиционном царском облачении, со скипетром и державой, но уже с королевской короной на голове. Круговая латинская надпись гласила (в переводе А.С.Мельниковой) "Димитрий Иванович Божию милостию император России. Год жизни 24". Вспомним описание С. Немоевского: скипетр он принял за меч, но верно указал на содержание латинской надписи. На обороте изображался двуглавый орел с тремя коронами, щитом на груди с изображением ездца. Тут была русская надпись: "Димитрей Ивановичь БЖ. мл. цесарь Роский ле. царства свог. А." ²⁸.

Таким образом, первая заказная коронационная медаль "обращалась" к "городу и миру" - т.е., к российским подданным и западным властителям, утверждая империю и императорский титул/власть "Дмитрия Ивановича". Несочетаемое для традиции объединение двух систем и разных символов власти как бы предлагало "коррекцию" традиции, преподносило Самозванца над традицией и осуществляло смысловую интеграцию Московского царя в "мир" светских христианских венценосцев Европы. Символы (короны, орел) и слова (надпись с титулатурой) декларировали главную идею Лжедмитрия I об "уровне" власти. Польский мастер совершал профессиональную ескалацию "западного" момента в медали. Единичность сохранности медали (Эрмитаж, ГИМ) свидетельствует о нераспространенности ее в России и, возможно, об исключительно репрезентативном предназначении для контекста католического мира. Так воплощалась идея пропаганды своего императорского достоинства через символы и средства западной традиции (памятные медали изготовлялись в католических странах как подражание папскому двору/практике). Но даже в этой "саморекламе" для Запада Лжедмитрий I подчеркивал сак-

ральное происхождение своей императорской власти ("Божиею милостию император России") и одновременно независимость от "западного мира" власти российского самодержца (БЖ. МЛ. цесарь Роский"). Речь шла как бы о подоби, но в то же время нетождестве контекстов императорской власти на Западе и в России.

Существовал и "российский" вариант коронационной медали Лжедмитрия I, ориентированный на "внутреннюю" репрезентацию/потребление. Он сохранился благодаря Петру I, который вывез из Кракова подлинные штемпеля и уже Екатерина II повелела сделать новый чекан нескольких экземпляров медали. Здесь "Димитрий Иванович" изображен в профиль с обнаженной головой, в горностаевой мантии и со скипетром в правой руке. Надпись в две полосы по кругу на русском языке: "Дмитрий Иванович Божию милостию царь и великий князь всея России и всех татарских королевств и иных многих государств". На обороте вокруг двуглавого орла со щитом и с изображенным на нем ездцом - надпись продолжалась: "Московской монархии подданных государь король и обладатель и цесарь России и Самодержец". Сразу бросается в глаза нагромождение имен/титолов. Интересна, все же, их последовательность: царь и великий князь - король-цесарь. В это символически проявилась основная тенденция "властительной модели" Лжедмитрия I: опора на российскую традицию и одновременное стремление к контекстуальности "западному стандарту" власти (и не только общего - королевского уровня, но и ее вершины - императорского уровня).

К свадьбе Лжедмитрия I и Марины Мнишек были отпечатаны особые монеты-медали, которыми должны были осыпать новобрачных при выходе из собора, и которые бросали в народ. Они чеканились на талерах достоинством в 1, 2, 5, 10 и 20 угорских. Сохранилось два экземпляра золотых достоинством в 1 и 10 угорских. На меньшей медали (1 угорский) с обеих сторон изображался двуглавый орел и надпись: "Божиею милостию царь и великий князь Дмитрий Иванович всея Русии". На медали в 10 угорских - тоже изображение орла (но на щите в его груди - с одной стороны ездец, а с другой - единокор) и надпись: "Бжиею млтию

црь и великий князь Дмитрий Иванович всея Руси владимирский московский - новгородский псковский тверской полоцкий црь казанский гдрь астраханский". Эти монеты демонстрировали/декларировали исключительно российскую традицию и, по-видимому, изготовлялись на Московском денежном дворе²⁹.

Поначалу Лжедмитрий I использовал изображение одноголавого орла как символ королевской власти, но очень скоро в царской символике он был заменен двуглавым орлом, применявшимся в Российском государстве еще со времен Ивана III и служившим на Западе символом императорского достоинства³⁰. Остальные символы также применялись предшествующими российскими самодержцами.

Еще на монетах Ивана Грозного образ "ездца" (всадника с копьем и саблей) как отвлеченный символ российской государственности трансформировался в изображение с конкретными чертами правителя. В нем отражалась одна из основных идей самодержавной власти - идея о религиозном и нравственном значении воинского подвига в борьбе за истинную веру, что прославляло самодержца, его величие. Миниатюрные изображения на монетах Грозного считаются памятниками его прижизненной иконографии³¹. В них появился трехчастный венец, развевающийся плащ, кольчуга, высокие сапоги, вдетые в стремяна, украшения на сбруе коня³². Иван IV был изображен и на иконе "Благословенно воинство небесного царя" XVI в.³³. Следуя за Михаилом-архангелом, юный воин ведет "воинство небесное" в 3 колоннах, над ним 3 ангела держат венец славы. Это Грозный шествует с войсками из Казани³⁴. В 1542-1547 гг. создавался канонизированный тип изображения царя в виде воина-всадника, олицетворявшего религиозно-нравственную миссию русского самодержавия в борьбе за чистоту веры и национальную независимость. Данный сюжет разрабатывался под влиянием митрополита Макария. Со второй половины XVI в. на копейках лицо всадника изображается с бородой, длинными волосами, на голове вместо венца - пятилучевая корона.

Царь изображен в качестве всадника и на копейках Бориса Годунова (буквы "Б-О", венец напоминает шапку Мономаха, одежда и сбруя коня декорированы).

На монетах и медалях Лжедмитрия I персонификация реальных черт царя выступает еще более рельефно. Самозванец открыто признавал портретный жанр (известен ряд его портретов, больших полотен, изображающих прием польских послов, коронацию и венчание с Мариной Мнишек)³⁵. Однако это следование западным образцам для православной России также служило своеобразным актом сакрализации царственной особы: иконы-подобия полагались только для святых.

Арсений Елассонский достаточно точно заключил, что Лжедмитрий I решил во всем превзойти прежних царей, и особенно в превознесении себя самого и своей власти через утверждение сакральной природы как этой власти, так и спасенного Господом от смерти ее носителя. Данная тенденция противоречила православной доктрине: ни один из правителей нового времени не достигал "уровня" даже ветхозаветных царей израильских (Давида, Соломона), которые непосредственно общались с Господом. Более того, в распространенном в России апокрифе "Откровение мук тяжких... чрез архангела Гавриила Пресвятой Богородице" прямо говорилось о том, что царям, "иже ся Богу ровняли", уготовано место в адских пещерах (22-я мука)³⁶. Адекватно этому воспринимали попытки "самосакрализации" Лжедмитрия I его российские придворные, а представители оппозиции (Шуйские) все его деяния преподносили в гипертрофированном виде "дьяволиады". Примером оценки/восприятия "сакрализационных" акций "Дмитрия Ивановича" может быть речь кн.Ивана Хворостинина. По словам князя, он говорил это самому Лжедмитрию I. Однако даже в случае позднейшего сочинения Хворостининым ниже приводимой тирады, она отражает ментальные установки российской православной правящей и книжной элиты:

"В память вечнаго устроения сие мниши, а не Содетелю имея хвалу, суетную славу тщетным бытием помышляеши и властодержавец мнишися быти; или не веси, яко Бог есть, иже стирает всяко превозношения гордых, отрезую языки велеречивых, и обьюродея речеточьцов, вознося смиренныя, и низводя возвышенныя? Не слышал ли

еси николиже, о царю, како Волтасар царь Перский, сын Навходоносора царя, изнесе сосуды из храма Божия, иже бе во Иерусалиме, и похвали боги златыя и сребренныя и медяныя, Бога же святаго и истиннаго Вседержителя не похвали: изыде персты руки человеки против светилника извержение его от царства и умаление дний его, яко и бысть? Сие убо ведаю, бойся непотребия творити! (...) Не воздам тебе чести, царю человеку сущу, паче славы Божия"³⁷. Позже эту же идею будет развивать в посланиях к Алексею Михайловичу Патриарх Никон, заявляя, что царь уподобился сатане, желая поставить свой "престол выше небес" - и за это дьявол был низвергнут в ад³⁸.

Так в российской публицистике первой четверти XVII в. были "перетолкованы" идеи Самозванца относительно царства/власти, выраженные в предметах и символах и сочетавшие восточные и западные традиции, - в проявление "власти тьмы", гордыни и дьявольского искушения. Разрыв понимания "текста" вещей и символов царства Лжедмитрия I им самим, его современниками и последующими властителями, а также публицистами произошел очень быстро и имел антиподический характер, что свидетельствовало о неконтекстуальности Лжедмитрия I и его идеи о власти московского царя российскому обществу Смутного времени.

¹ Писарская Л.В. Оружейная палата. М., 1979. С. 224.

² Яблоко-держава в качестве царской инсигнии появилось, как считают исследователи, при коронации Б.Годунова в 1598 г. См.: Соболева Н.А., Артамонов В.А. Символы России. М., 1993. С. 34.

³ Устрялов Н.Г. Сказания современников о Дмитрии Самозванце. СПб., 1859. Ч. 1. С. 176 - 177 (Записки Г.Паерле). Ч. 2. С. 142 - 143 ("Дневник Марины Мнишек"); Русский архив. 1906. № 10. С. 148 (Дневник Мартина Стадницкого); Дневник Марины Мнишек. СПб., 1995. С. 39 - 40; Записки Станислава Немоевского // Титов А.А. Рукописи славянские и русские, принадлежащие И.А. Вахрамееву. М., 1907. Вып. 6. Отд. 2. С. 43.

⁴ Рукопись Яна Велевицкого // Записки гетмана Жолкевского о московской войне. СПб., 1871. Прил. 44. Стб. 167.

- 5 Записки Станислава Немоевского. С. 43.
- 6 Подобедова О.И. Московская школа живописи при Иване IV. М., 1972. С. 14 - 22.
- 7 Бочарова Г.Н. Царское место Ивана Грозного в Московском Успенском соборе // Памятники русской архитектуры и монументального искусства. Города, ансамбли, зодчие. М., 1985. С. 39 - 57.
- 8 Лазарев В.Н. Происхождение итальянского Возрождения. М., 1956. С. 83.
- 9 Пуцко В.Г. Ростовские каменные львы // Советская археология. 1979. № 2. С. 281 - 282.
- 10 Бочаров Г.Н. Царское место Ивана Грозного... С. 44 - 48.
- 11 Платонов С.Ф. Сказание о самозванце по списку Московского Публичного музея. СПб., 1895. С. 11.
- 12 Масса И. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1937. С. 116.
- 13 Устрялов Н.Г. Сказания современников. Ч. 2. С. 143 - 144; Дневник Марины Мнишек. СПб., 1995. С. 41.
- 14 Дневник Марины Мнишек. С. 39 - 40.
- 15 Дмитриевский А.А. Архиепископ Елассонский Арсений и мемуары его из русской истории по рукописи Трапезунтского сумелийского монастыря. К., 1899. С. 104 - 105.
- 16 Уваров А.С. Неизвестный русский памятник 1606 года // Древности. Труды Московского археологического общества. 1874. Т. 4. С. 171 - 176; Его же. Сборник мелких трудов. М., 1910. Т. 2. С. 170 - 174; Рожа Дьердь. Лучшие произведения Исторической картинной галереи. Будапешт, 1977. С. 26; Тананаева Л.И. Сарматский портрет. Из истории польского портрета эпохи барокко. М., 1979. С. 138.
- 17 Gebarowicz M. Poczatki malarstwa historycznego w Polsce. Wroclaw, Warszawa, Krakow, 1981. S. 52 - 55, 136 - 144.
- 18 Дракохруст Е.И. Иконографические источники, освещающие польскую интервенцию начала XVII века // Труды ГИМ. 1941. Вып. 14. С. 39 - 40; Gebarowicz M. Poczatki malarstwa... S. 59, 153; Геннади Г.Н. Портреты Лжедмитрия I и Марины Мнишек // Русская старина. 1876. Кн. XV. С. 873 - 874.
- 19 Gebarowicz M. Poczatki malarstwa... S. 79 - 81, 85 - 92, 102; Tomkiewicz W. Czy Szymon Boguszowicz? // Sztuka i historia. Warszawa, 1966. S. 106 - 113; Ровинский Д.А. Материалы для русской иконографии. СПб., 1884. Вып. 2. № 43 - 48; 1886. Вып. 4. № 123 - 130; Его же. Подробный словарь гравированных портретов. СПб., 1889. Т. 1. С. 581 - 582, 590.
- 20 Карзинкин А. О медалях Дмитрия Ивановича. М., 1889;

- Мельникова А.С. Монеты Лжедмитрия I. 1605 - 1606 // Труды ГИМ. М., 1986. Вып. 61. С. 6 - 17.
- 21 Малиновский А.Ф. Сведения об увезенной поляками из Москвы царской короне // РГБ. ОР. Ф. 203. П. 272. Ед. 1/3; Белокуров С.А. О царской казне и документах, расхищенных поляками в Смутное время // Там же. Ф. 23. Карт. 3. Ед. 8.
- 22 Введенский А.А. Поганные ризы Дмитрия Самозванца // Казанский музейный вестник. Казань, 1921. № 3/6. С. 128 - 129.
- 23 Устрялов Н.Г. Сказания современников... Ч. 1. С. 339.
- 24 Историческое и правдивое известование... Прага, 1908. С. 25.
- 25 Записки Станислава Немоевского... С. 60.
- 26 Мельникова А.С. Монеты Лжедмитрия I. 1605 - 1606 // Труды ГИМ. М., 1986. Вып. 61. С. 6 - 17.
- 27 Мельникова А.С. Монеты Лжедмитрия I... С. 16.
- 28 Мельникова А.С. Монеты Лжедмитрия I... С. 7.
- 29 Мельникова А.С. Монеты Лжедмитрия I... С. 9.
- 30 Hellman M. Moskau und Byzanz // Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas. Wisbaden, 1969. N.F. Bd. 17. S. 321 - 333.
- 31 Спасский И.Г. К прижизненной иконографии Ивана Грозного // Сборник Государственного Эрмитажа. 1976. Вып. 41. С. 49 - 53.
- 32 Мельникова А.С. Место монеты Ивана Грозного в ряду памятников идеологии самодержавной власти // Вспомогательные исторические дисциплины. 1985. Т. 17. С. 121, 124.
- 33 Подобедова О.И. Московская школа живописи при Иване IV. М., 1972. С. 22 - 26.
- 34 Каргер М.К. К вопросу об изображении Грозного на иконе "Церковь воинствующая" // Сб. статей в честь академика Алексея Ивановича Соболевского. Л., 1928. С. 466 - 470; Подобедова О.И. Московская школа... С. 24 - 25.
- 35 Дракохруст Е.И. Иконографические источники... С. 29 - 72; Gebarowicz M. Poczatki malarstwa historycznego w Polsce... S. 122 - 160.
- 36 Тихонравов Н.С. Памятники отреченной русской литературы. СПб., 1863. Т. 2.
- 37 РИБ. Т. XIII. Стб. 538 - 539.
- 38 Записки Отделения русской и славянской археологии Русского Археологического Общества. СПб., 1861. Т. 2. С. 464 - 465.